

Левитан

ХУДОЖНИК, КОТОРЫЙ НЕ ВЫНЕС СВЕТА

Общеизвестно: художник Исаак Левитан по праву признан гениальным пейзажным лириком. Но знаем ли мы о нем что-то кроме этого? Чем жила его душа, что прозревала она за красотой русской природы, чем вдохновлялась и чем соблазнялась? Знать это нужно нам не для того, чтобы прославить или осудить, но чтобы глубже понимать его творчество.

*Вечер
на Волге.
1887-1888*

*Портрет
художника
И. И. Левитана.
В. А. Серов. 1893*

Молитва немой души

Более 1000 картин оставил нам Исаак Левитан. Это очень ровный художник, почти каждая его работа может по праву считаться шедевром. Но лишь об одной картине он написал в письме к Третьякову: «моих вещей у Вас достаточно, — но что эта последняя попала к Вам, трогает меня потому так сильно, что в ней я весь, со всей своей психикой, со всем моим содержанием». Речь идет о картине «Над вечным покоем». Эту работу особо выделял Лев Николаевич Толстой. Он назвал ее по-своему — «молитвой немой души». Похоже, писатель с гениальной пронизательностью понял Левитана тоньше, чем тот сам понимал себя.

Левитан не был воцерковленным человеком, хотя православную службу очень любил. У писателя Сергея Дурылина, в его воспоминаниях «В своём углу», есть следующие строки: «Левитан часто заходил в церковь к всенощной. Его поража-

ло и пленяло своей красотой православное богослужение. Он находил бездну поэзии в вечернем сумраке малого и тесного храма, в огнях лампад, в тихом пении, в тонких струйках ладана, разносящихся по полупустой церкви, затихнувшей в полумраке».

Левитан любил слушать Евангелие и Псалтирь. После работы иногда просил свою спутницу Кувшинникову читать ему по несколько страниц. Хотя Православие не принимал. «И умно делал, — отмечал Сергей Дурылин, известный педагог и богослов. — Для того, чтобы принять его, мало любить церковки, любить красоту и поэзию церковной службы, — нужно еще и многое другое...»

Трудно подобрать мировоззренческий статус, к которому можно было бы причислить Левитана.

«Я никогда еще не любил так природу, — писал художник, — никогда еще так сильно не чувствовал это божественное нечто разлитое во всем». Понимать такое отношение просто как возвышенное чувство природы или здесь соблазн пантеизма? А, может быть, художник чувствует присутствие Творца в творении?

Ответ в самом духе левитановской живописи. Есть в его пейзажах то особое чувство, которое философ Иван Ильин называл христианским «мироприятием и мироблагословением». Пожалуй, именно в этом суть творчества Левитана. Он в своих работах не переворачивает мир вверх ногами, не создает фантазмагорий, не искажает формы, пропорции, цвет, ритм. Иными словами, не заслоняет своим творческим «я» изначальную гармонию творения. Он принимает и славит красоту божественного мира — здесь именно «мироприятие и мироблагословение».

При этом общеизвестно, что Левитан сочинял свои пейзажи. Он рисовал этюды с натуры, а в мастерской уже дорабатывал тему, меняя композицию, освещение, цвет. Если чувствовал, что ему не хватало чего-то в природе, дополнял наблюдениями из других мест, меняя на полотне реальный пейзаж, насыщая его своими чувствами. ➔

Тихая
обитель.
1890

В этих сочиненных пейзажах — отточенность композиции и поразительная непреднамеренность и свобода. Удивляет, как Левитан, дамский угодник и страстный охотник, мог так чувствовать одухотворенность природы, отражение в ней чего-то неземного.

Мы затихаем от атмосферы особой тихости его пейзажей. словно внезапно, после грохочущего, сумасшедшего ритма вступает человек в тишину. Это не просто физическая тишина. Неслучайно люди по несколько раз возвращались на выставку, где была представлена картина Левитана «Тихая обитель». Сохранились свидетельства, что посетители благодарили за «блаженное настроение, сладкое душевное спокойствие, которое вызывал этот тихий уголок земли русской, изолированный от всего мира и всех лицемерных наших дел».

Имя художника было тогда «на устах всей интеллигентной Москвы». Картина «Тихая обитель» принесла Левитану славу.

На дне отчаяния

«Вечер. Золотой Плес», «Вечерний звон» — в этих картинах вновь мотив и настроение, созвучные «Тихой обители»: закат на Волге, среди леса укрылся монастырь, освещенный золотистыми лучами солнца. То же отрадное чувство примирения со всем, света, внутренней тишины.

В картинах Левитана «Березовая роща», «Март», «Свежий ветер. Волга» совсем другой лирический

строй, но то же чувство прославления, принятия сотворенного мира.

Ликующий, ослепляющий свет! Великолепие этих солнечных дней! Кажется, душа художника вовлекается в свет Творца.

Однако куда чаще мажорного лада звучит в картинах художника отголосок «нежной и грустно жалобной свирели» или протяжная народная песня.

И являются эти левитановские деревеньки — затерянные, жалкие; являются тихие заводы и перелески. Все затянута грустной дымкой. В чем эта грусть? Зачем она?

«Видно, агасферовское проклятие тяготеет и надо мною, но так и должно быть — я тоже семит», — пишет он Чехову. Левитан родился в бедной семье, в Литве, в местечке Кибартай. Черные синагоги, скудность, чахоточные ремесленники, на тесных улицах сушится тряпье — душа впитала эти зарисовки детства. Однако, в отличие от Шагала, который, по сути, стал «гением местечка» и всю жизнь рисовал провинциальный Витебск, Левитан в живописи не возвращался к впечатлениям детства.

Его тоска глубже и корнями уходит в то самое «агасферовское проклятие», которое не случайно упоминает сам художник. Агасфер, Вечный жид — персонаж христианской легенды позднего западноевропейского Средневековья. В ней говорится, что во время страдальческого пути Иисуса Христа на Голгофу Агасфер отказал ему в кратком отдыхе и безжалостно велел идти дальше. За это он был наказан — ему самому отказано в покое, он обречён из века в век безостановочно скитаться, дожидаясь второго пришествия

Христа, который сможет отменить его наказание. В легенде об Агасфере в какой-то мере отразилось и отношение средневековых христиан к евреям. В евреях видели людей, обреченных на скитания, не имеющих родины, в них видели людей, которые распяли Христа и осквернили «завет с Богом».

В случае Левитана «агасферовское проклятие» — это образ духовной бесприютности самого художника. С одной стороны, он лишен религиозности ортодоксальных иудеев, с другой — при всей гениальной чуткости к русскости, к красоте русской природы — он остается вне Православия.

Эта религиозная неустроенность всегда отражалась в метаниях художника. Левитан совсем не умел справляться с приступами какой-то предельной меланхолии, которая обессиливала его. Душа погружалась на дно отчаяния — серая вода и серые люди, серая жизнь, не нужно ничего.

Часто в письмах Левитана к Чехову звучит этот стон: «Вновь я захандрил и захандрил без меры и грани, захандрил до одури, до ужаса», «Господи, когда же не будет у меня разлада, когда я стану жить в ладу с самим с собой. Это кажется никогда не будет, вот в чем мое проклятье».

Душа в немощи ищет целостности и пока не находит, захлестывают страсти, хандра.

В молодости в приступе такой хандры Левитан совершил попытку самоубийства. Слава Богу, рана от пули оказалась не смертельной. Тогда Чехов увез его к себе на дачу на реке Истре. Левитан отходил душой среди многолюдного, веселого чеховского семейства.

Художник плачет

Спустя много лет уже зрелый Левитан запутался в человеческих отношениях. Он сильно увлекся Анной Николаевной Турчаниновой, женой питерского сенатора Ивана Турчанинова. В то же время старшая дочь Анны Николаевны, двадцатилетняя Варя, полюбила Левитана. Полюбила как-то ошалело, безудержно. Соперничество между матерью и дочерью очень тяжело переживал виновник этой драмы. И вновь упадочные настроения и попытка разрешить все с помощью выстрела. Вновь письмо — мольба к Чехову: «Ради Бога, если только возможно, приезжай ко мне хоть на несколько дней. Мне ужасно тяжело, как никогда».

Были эти метельные страсти, немного салонные романы, но Левитан так никогда и не женился.

Часто в письмах Левитана к Чехову звучит этот стон: «Вновь я захандрил и захандрил без меры и грани, захандрил до одури, до ужаса».

«Почему я один? Почему женщины, бывшие в моей жизни, не принесли мне покоя и счастья? Быть может, потому, что даже лучшие из них — собственники. Им нужно все или ничего. Я так не могу. Весь я могу принадлежать только моей тихой бесприютной музе, все остальное — суета сует...»

Только в работе он очищается от этой «суеты сует», от темных страстей, от черной тоски. Душа в своей неизбывной раздвоенности между высшим и низшим поднимается ввысь. В его пейзажах есть печаль, но в большинстве картин это не горько-безотрадное чувство, а печаль высокая, тонкая, светлая печаль. И здесь великая тайна общения Бога и человеческой души — в прикосновении к красоте Божественного мира душа «просветляется».

Художник Коровин, приятель Левитана, вспоминает совместные походы на этюды: «Мы остановились. Посинели снега, и последние лучи солнца в темном лесу были таинственны. Была печаль в вечернем свете.

— Что с вами? — спросил я Левитана.

Он плакал и грязной тряпочкой вытирал у носа бегущие слезы.

— Я не могу, — как это хорошо! Не смотрите на меня, Костя. Я не могу, не могу. Как это хорошо! Это — как музыка. Но какая грусть в лучах, в последних лучах».

*Весна.
Большая
вода. 1897*

Над вечным покоем. 1894

Не есть ли прекрасное, как говорил Данилевский, духовное начало в материи? У Левитана это чувство сокровенной красоты мира реально настолько, что наступает иногда слезами. Это слезы о высшем, о чистоте, о глубокой тайне мироздания, которую так сильно чувствовал сам художник:

«Как странно все это и страшно, и как хорошо небо, и никто не смотрит. Какая тайна мира — земля и небо. Нет конца, никто никогда не поймет этой тайны, как не поймут и смерть».

Есть эта тайна и печаль в неподвижной дреме бескрайней Волги в картине «Вечер на Волге», и в

преддверии ночной мглы в пейзаже «Последние лучи солнца. Осинный лес», и в лунном свете в картине «Сумерки. Стога». Левитан утверждал, что только в России может быть настоящий пейзаж. Этот особый печальный русский колорит есть и в картинах «Весна. Большая вода», «Деревня», «Ветхий дворик», «Половодье»: эти оголенные беззащитные березки на фоне нежно-голубого неба; бедные избы под соломенной крышей — здесь все пронизано сердечной тихой печалью, щемящим чувством земного сиротства. Но над всем этим словно слышится христианский вздох об утешении.

Тогда Левитану пришлось уехать в подмосковную деревню Салтыковку. К счастью, благодаря ходатайству из училища, вскоре ему удалось вернуться.

А спустя 12 лет все повторилось. 1891 год — еще один указ о выселении евреев. Левитан, в ту пору признанный художник всероссийской славы, вынужден был скрываться во Владимирской губернии, пока друзья не добились отмены высылки.

Дыхание «ничего»

Как писал Александр Ростиславов, «как бы в насмешку над национализмом, именно бедному еврейскому юноше открылась тайна самой сокровенной русской красоты».

Александр Бенуа замечал, что «лишь с появлением картин Левитана» он поверил в красоту, а не в «красоты» русской природы».

Свой художественный дар Левитан действительно отдал русской природе. Он был абсолютно самодостаточным пейзажистом, почти не обращался к другим жанрам. Его портреты — незначительная часть его наследия, можно сказать, «художественная периферия». Однако как пейзажист Левитан не останавливается на уровне лирика. Через пейзаж художник говорит и о жизни, и о смерти.

Левитан боялся смерти. Хотя, по словам Чехова, он «не верил ни во что тамошнее». Следовательно, волновался он не о посмертной участи души. Для него страшнее, в своей прямой обнаженности, было осознание смерти как предельного конца. Там, дальше, нет ничего. Вот строки из его письма к Чехову: «Века, смысл этого слова ведь просто трагичен; века — это есть нечто, в котором потонули миллиарды людей, и потонут еще, и еще, и без конца; какой ужас, какое горе! Мысль эта старая, и болезнь эта старая, но, тем не менее, у меня трещит череп от нее! Тщетность, ненужность всего очевидна».

Из этих настроений и мыслей вызревает, пожалуй, самое значительное полотно художни-

— Я не могу, — как это хорошо! Не смотрите на меня, Костя. Я не могу, не могу. Как это хорошо! Это — как музыка. Но какая грусть в лучах, в последних лучах.

ка — «Над вечным покоем». Эту картину Левитан написал под Вышним Волочком, близ озера Удомля. Перед зрителем открывается грандиозная панорама: громадное застывшее озеро, над ним вздыбленное небо — небесный бой; деревянная, потемневшая от времени церковь на краю утеса; могильные кресты заброшенного кладбища. ➔

Две высылки

В 19 лет Левитана первый раз выселили из Москвы. Вышел царский указ, запрещающий евреям жить в столице. В то время Левитан — еще никому не известный студент Московского училища живописи ваяния и зодчества, рано осиротевший, живший по чужим углам в страшной нужде. Это о тех годах вспоминает Коровин:

«Ложась спать, Левитан не снял синюю суконную курточку, застегнутую до горла. Я видел, что у него не было рубашки. Я снял шерстяную блузу, и мне было неловко, что у меня есть рубашка».

Безлюдный, давящий пейзаж. Колорит картины — холодный и темный; небольшие светлые вкрапления лишь усиливают общую мрачность. Композиция в картине выстроена так, что есть ощущение движения. Остроконечный утес, кажется, плывет по глади озера, но небольшой островок земли прерывает это движение. Так же, как крест церквушки тянется ввысь, но низкая тяжелая туча задавливает этот порыв. Таким образом, создается гнетущее ощущение безвыходности, замкнутости. Легко представить врубелевского демона, парящего над этой пустынной неприютной землей. Во время работы Левитан просит, чтобы для него играли Героическую симфонию Бетховена с ее траурным маршем.

Стиль художника становится лаконичным, монументальным. Отсекается все лишнее, незначительное. «Каждый сучок» уже не просится на полотно. Ушла импрессионистская легкость «Березовой рощи», в прошлом — «литературность» его ранних работ. Левитан как художник восходит к новому уровню: от лирики, от настроения — к философскому обобщению.

Покосившиеся могильные кресты — единственное напоминание о человеке в картине, о страшной бессмыслице, «тщетности, ненужности всего». Бесперывная темная полоса туч захватила всю

ширину горизонта. Некоторые видят в этом пейзаже образ «бренности и ничтожества человеческой муравьиной суеты». Но тогда Левитан был бы просто сумрачный тоскливый лирик. В картине задан совсем иной масштаб. Художник создает эпически величавый образ — здесь оправданный экзистенциальный ужас человека перед неизбежностью смерти. Природа в картине, безмолвная и безмерная — единственный равнодушный свидетель этого ужаса. В чем же спасение, или Левитан призывает нас просто достойно склониться перед неизбежным?

Уже в цветовом решении картины художник указывает выход: светлая тропинка среди темно-зеленой травы ведет к храму. Над храмом светлеет небо, расходятся тучи, словно просвечивает надежда. На фоне темных холодных тонов — теплый колорит церкви с ее огоньком в окне. Этот крошечный желто-оранжевый огонек — самая теплая, живая точка в картине.

Горишь, горишь, как добрая душа

Горишь во мгле и нет тебе покоя.

Один живой в бескрайнем мертвом поле.

(Николай Рубцов. «Русский огонек»)

Этот «один живой» источник света в картине меняет ее строй. Трагедия смерти не исчезает, но делается иной. *И свет во тьме светит, и тьма не объяла его* (Ин 1:5). Так душа человека тянется

Сумерки.
Стога. 1899

Лунная ночь.
1897

к свету Творца и с этим светом побеждает темноту, дух ненависти, побеждает ужас перед торжеством смерти.

Да, Левитан не принимал догматы ни одной религии. Но в этой картине срабатывает интуиция гениального художника, который в своем творчестве становится выше своей эмпирической личности. Здесь художник существует на своей предельной глубине: «в ней я весь, со всей своей психикой, со всем моим содержанием». Это действительно «молитва немой души», которая не словами, а кистью и красками слагает мольбу о надежде и спасении.

За год до смерти, в 1899 году, Левитан пишет картину «Лунная ночь». На полотне — деревья на склоне холма, одна березка стоит в стороне на самом краю обрыва, словно заглядывая в пропасть: что там, в этой бездонной глубине? Левитан в ту пору был уже серьезно болен, у него было большое сердце. Он сам, словно заглядывая в пропасть, пытался найти ответ на этот вопрос: что там... за этим земным пределом?

Он умирал у себя дома, в своей прекрасной мастерской на Покровском бульваре. Мастерскую предоставил ему Савва Морозов еще в 1891 году. Художник Коровин описывает последние часы его жизни:

«Левитан умирал.

— Закройте же окна! — просил он.

— Солнце светит, — отвечали ему, — зачем закрывать окна?!

— Закройте! И солнце — обман!..

Это были его последние слова».

Свет

Снова вспомним слова Дурылина: «Чтобы стать христианином, недостаточно просто любить поэзию и красоту церковной службы». Видимо, недостаточно и просто восхищаться красотой мира и прозревать его тайны.

— Закройте же окна! — просил он.

— Солнце светит, — отвечали ему, —

зачем закрывать окна?!

— Закройте!

И солнце — обман!..

Это были его последние слова.

В живописи Левитана были несомненные прорывы, прозрения в это «божественное нечто, разлитое во всем».

Но... Крошечный свет в окне древней церквушки в картине «Над вечным покоем» — вспыхнул ли этот свет в душе самого художника?

Ответа мы не знаем. Знаем только, что без этого света — и «солнце — обман!».

* * *

После кончины на груди Левитана увидели православный крест, который он, оказывается, давно носил. **Ф.**

Инна Волошина, искусствовед
Благодарим издательство «Белый город»
за предоставленные иллюстрации